

— Я и не знал, что здесь может поместиться столько всего.

Му Цзое сдержанно улыбнулся и спросил:

— Хочешь ещё?

Чу Линь, припав к плечу Му Цзое, закусил нижнюю губу, сдерживая рвущиеся наружу стоны:

— Если закончим, я смогу уйти? Когда мне можно будет отсюда выбраться?

— Нельзя, — голос Му Цзое звучал нежно, но бескомпромиссно. — У тебя травмирована нога.

— ...Твои доводы насчёт моей ноги не мешают тебе не давать мне покоя, — попытки соблазнения не работали, и Чу Линь решил больше не притворяться и не менять голос. — Отпусти меня, я умираю от голода. Где моё мясо?

Наверное, именно о таких, как Чу Линь, говорят: совершил дело и стал холоден, как лёд.

Му Цзое подхватил Чу Линя на руки и усадил на низкий табурет посреди комнаты. Табурет был сделан из древесного пня, а сверху на него положили толстую подушку, чтобы не было жестко сидеть.

Чу Линь, полный возмущения, уже забыл, что внутри него всё ещё кое-что находится. Он принялся жевать лепёшку, запивая молоком. Одной такой лепёшки хватало, чтобы насытиться на три дня, но этого было мало, чтобы унять его гнев, поэтому он принялся за вяленое мясо. Была там и говядина, и баранина — свежие, ароматные, куда вкуснее всего, что ему доводилось пробовать раньше. И правда, настоящее мясо местного производства не сравнить с тем, что подают в пятизвездочных отелях под вывесками с громкими названиями.

Надо будет захватить немного с собой, подумал Чу Линь.

Но как вернуться?

В этот раз Му Цзое принёс два плетёных короба: в одном была одежда и еда, в другом — древесный уголь. Сейчас Му Цзое как раз подбрасывал новые угли в очаг.

Комната была небольшой: в восточном и западном углах стояли жаровни, а в центре — очаг, соединённый с дымоходом для вентиляции. Поэтому, как бы снаружи ни свирепствовал ветер, Чу Линь не чувствовал холода.

Му Цзое зачерпнул из медного чана воды, одну чашу поставил греться на очаг, а в другой

вымыл руки. Вытерев их насухо, он вышел во двор вылить воду. Вернувшись через мгновение, Му Цзое запер дверь. Теперь он всегда запирает её, входя и выходя, боясь, что в следующую секунду Чу Линь сбежит.

Чу Линь поджал губы. Понимая, что ничего не поделаешь, он решил ненадолго притихнуть.

Вода на очаге задымилась, и Му Цзое поставил чашу с горячей водой к ногам Чу Линя. На немой вопрос того он не ответил: лишь снял с Чу Линя обувь, сам проверил температуру воды и, убедившись, что всё в порядке, осторожно опустил поврежденную правую стопу в чашу. Нога не должна была двигаться, поэтому Му Цзое снял деревянные шины, взял чистую ткань и тщательно стёр остатки лекарства с кожи. Затем наложил новый слой средства и аккуратно перебинтовал ногу обратно.

Чу Линь смотрел на него, не отрываясь. Он никогда раньше не испытывал ничего подобного — чувства, будто тебя бережно держат на ладони, как величайшую драгоценность. В глубине сердца разлилось тепло, пронизывая кровь и доходя до самых костей.

Что он делает?

Чу Линь не понимал.

— Цзо Е, — Чу Линь назвал Му Цзое детским именем, чтобы сократить дистанцию. — Мы были знакомы раньше?

Рука Му Цзое дрогнула. Он едва заметно выдохнул, так, чтобы Чу Линь не заметил, и покачал головой.

Чу Линь не понял, что это значит: то ли он не расслышал, то ли не знает? Но Чу Линь был уверен, что в его недавней жизни не было никого, похожего на Му Цзое, поэтому принял это за отрицательный ответ.

Не знакомы.

Если не знакомы, почему он так добр ко мне? Чу Линь не мог взять в толк: он ко всем так относится?

Чу Линь отогнал прочь безумные мысли, не позволяя сердцебиению выдать его волнение. Он убрал ногу, уставился на агатовую бусину на воротах одежды Му Цзое и спросил:

— Цзо Е, где моя машина?

Му Цзое ответил:

— В Безлюдной зоне.

Чу Линь невозмутимо прощупал почву:

— Есть точное местоположение? Ты не выпускаешь меня, так позволь мне вызвать страхового агента, пусть приедет и оценит ущерб. Цзо Е, та машина стоила дорого, больше двух миллионов.

Му Цзое сказал, что никто не сможет войти — в Безлюдную зону вход заказан, это осквернение богов.

Чу Линь не любил слушать эти бредни о богах и ответил:

— Но я же жив.

— Потому что я здесь, — отрезал Му Цзое.

Чу Линь тихо рассмеялся:

— А ты умеешь себя похвалить.

Му Цзое явно не собирался отпускать Чу Линя. Аппетит у него пропал, он отбросил в сторону кусок мяса, и его лицо помрачнело.

— Наелся? — спросил Му Цзое.

Чу Линь, прихрамывая, поскакал к кровати, но стоило ему сделать пару шагов, как то, что было внутри, начало выскальзывать. Чу Линь был вынужден судорожно сжать ягодицы и замереть на месте.

Му Цзое без труда подхватил его, протянул руку и извлёк нефритовый предмет.

Чу Линь больше не мог этого выносить:

— Да убей ты меня уже, раз и навсегда!

Му Цзое укусил его за шею и ответил: нет.

— Цзо Е! Ты не сможешь держать меня взаперти всю жизнь, — холодно произнёс Чу Линь. — Если такой смелый, сиди здесь вечно, не отходи ни на шаг — как только ты уйдешь, я сбегу,

ещё посмотрим, кто кого!

Чу Линь говорил это полушутя-полусерьёзно. Если присмотреться, в уголках его глаз, которые сами по себе были словно созданы для любви, играла едва заметная улыбка. Однако выражение лица оставалось суровым, поэтому Му Цзое принял его слова за чистую монету.

Он занервничал и низко прорычал:

— Ты никуда не денешься!

В словесных перепалках Чу Линь никогда не проигрывал, но Му Цзое не собирался больше спорить — просто раздеть и покончить с этим было проще.

Чу Линь попытался сопротивляться, но Му Цзое снова связал его. На запястьях зазвенели медные колокольчики — их звон только разжигал желание. В этот раз Му Цзое был особенно свиреп и даже груб. Он блокировал Чу Линю путь к отступлению, желая лишь одного — услышать, как тот просит пощады.

Руки Чу Линя были прижаты к изголовью кровати, его тело извивалось от невыносимого напряжения.

Он шептал: Цзо Е, я был неправ.

Тихий плач звучал совсем как жалобное мяуканье кота.

Чу Линь лежал на кровати, весь в поту после того, как Му Цзое закончил свои игры. Верёвки на запястьях так и не развязали, глаза блестели от слёз, а свернувшееся в клубок тело заметно дрожало.

— Слишком деспотично, — сказал Чу Линь.

Му Цзое наклонил голову, нежно погладил его по волосам и ответил:

— Тебе ведь тоже нравится.

Чу Линь не стал спорить:

— Развяжи верёвки.